

Р. Чизолм

ФИЛОСОФЫ И ОБЫДЕННЫЙ ЯЗЫК

Философское рассмотрение обыденного языка предполагает, насколько я понимаю, обсуждение некоторых современных представлений об отношении между обыденным языком и философией. К ним относятся, например, следующие тезисы: (1) многие безусловно важные философские высказывания «нарушают» обыденный язык, ибо предполагают его некорректное употребление; (2) эти высказывания вводят в заблуждение и в корректной формулировке часто утрачивают свою значимость; и (3) «любое философское высказывание, нарушающее обыденный язык, является ложным». Первые два тезиса истинны, а третий, как мне кажется, ложен. Поэтому его анализом я в данной статье и займусь.

Наиболее отчетливо этот тезис защищается в известной работе Нормана Малкольма «Мур и обыденный язык». Малкольм описывает и отстаивает метод защиты обыденного языка «от его философских нарушителей», который, по его мнению, предложил Мур. По Малкольму, «философствование большинства наиболее влиятельных философов состояло в более или менее искусном опровержении обыденного языка». «Суть предложенной Муром техники опровержения философских высказываний сводится к выявлению их *противоречия обыденному языку*». Вопросы о том, какова в действительности техника Мура, мы здесь касаться не будем.

⟨...⟩¹ Сначала я хочу обсудить понятие корректности, а затем — две лингвистические теории, положенные Малкольмом в основание его тезиса.

⟨...⟩ Допустим, эпистемолог утверждает, что получить *достоверное* знание очень трудно; он говорит: «Хотя люди и могут быть *убеждены*, что в комнате стоит мебель или что Земля существовала сотни лет в прошлом, *достоверно* знать об истинности таких убеждений нельзя». Мы могли бы заметить, что люди *все же* называют такие убеждения «достоверными» и, далее, что обычно слово «недостоверный» относится только к гораздо более проблематичным суждениям, например к прогнозам погоды.

⟨...⟩ Сказать, что кто-то употребляет слово корректно, значит сказать по крайней мере, что оно обладает для него тем же содержанием, что и для большинства людей. Язык в своем обыденном употреблении не может быть некорректным, поскольку «корректный язык» — синоним «обыденного языка»; «обыденный язык *является* корректным языком». Таким образом,

¹ Обозначенные отточиями купюры объясняются тем, что автор подробно цитирует статью Н. Малкольма «Мур и обыденный язык», которая полностью публикуется в настоящем издании.

верный способ узнать, употребляется слово корректно или некорректно, это выяснить, какое содержание в него вкладывают в данном случае и каково его обычное содержание, а затем сравнить их. <...> Но если в конечном итоге мы выяснили, что философ употребляет слово некорректно, то что же отсюда следует? Допустим, эпистемолог действительно употребляет слово «достоверный» некорректно: не так, как это делают обычно, но, скажем, со ссылкой на некий тип знания, достигнуть которое для человека логически невозможно. Ясно, что обнаружив это, мы его не *опровергли*. Раз мы *понимаем* философа, нас, конечно, уже не шокирует утверждение, что слово «достоверный» не относится к убеждениям о наличии мебели. По всей вероятности, то, что казалось прежде парадоксальным, сейчас выглядит тривиальным и неинтересным. Но мы не опровергли философа, поскольку не показали *ложности* его утверждения. Действительно, теперь мы понимаем — чего не видели раньше, — что его высказывание является истинным, поскольку нашим убеждениям о мебели *не* присуще то, что он именует «достоверностью».

Малкольм считает, однако, что «парадоксальное философское высказывание не может не быть ложным». Значит, мы должны продолжить поиск техники опровержения. Это приводит нас к первой из упоминавшихся теорий.

Когда философ говорит: «Ничто не является достоверным», он, *видимо*, имеет в виду не язык, но знание и убеждение; если же следовать этой теории, то его утверждения *в действительности* являются «замаскированными лингвистическими высказываниями». Философ может даже не понимать этого... <...> Это распространяется и на остальных философов, склонных к парадоксам: например, на тех, которые отрицают реальность пространства и времени или утверждают, что ни один материальный предмет, если его не воспринимают, не существует... <...> Столкнувшись с философией, которая на самом деле представляет собой замаскированное нарушение обыденного языка, мы должны просто разоблачить ее и опровергнуть, если она ложна, из чисто лингвистических соображений.

Это подразумевает, очевидно, три момента, каждый из которых я считаю весьма сомнительным. (1) Сначала мы должны показать, что философское высказывание не является «эмпирическим» и не имеет отношения к «эмпирическим фактам». (2) Отсюда в соответствии с рассматриваемой теорией следует, что философ пытается сообщить что-то именно о языке. (3) Лишив тем самым философию маски, мы сумеем без труда опровергнуть ее.

(1) <...> Когда Малкольм говорит, что высказывание философа не является *эмпирическим*, он, как правило, имеет в виду, что в том (некорректном) смысле, в каком философ интерпретирует свое высказывание, его отрицание противоречиво. Иными словами, в рамках (некорректного) языка, используемого философом, его парадоксальные высказывания *необходимы*.

И Малкольм показал с большим тщанием и изобретательностью, что многие философские высказывания, в том числе и высказывания о достоверности, *являются* в этом смысле неэмпирическими. Но очень трудно принять, как того потребовала бы наша теория, что все парадоксальные философские высказывания в рамках языка философов являются необходимыми. <...> В конце концов, каждое парадоксальное философское высказывание, являющееся в этом смысле необходимым, можно заменить другим, столь же парадоксальным, но не необходимым. Предположим, например, что философ (некорректно) употребляет слово «знать» для описания знания, которое человек может получить только на собственном опыте. Тогда он вправе сказать: «Никто не может знать о содержании чужого опыта»; и пусть это парадоксальное высказывание будет в рамках его языка *необходимым*. Предположим, что высказывание «Джон отличается от своего бакалейщика» не является необходимым. Тогда парадоксальное высказывание «Джон не может знать о содержании сознания своего бакалейщика» не будет необходимым; значит, имеется парадоксальное философское высказывание, которое, однако, является *эмпирическим*.

Ненамного лучше и другие значения слова «эмпирический». Мы могли бы, например, интерпретировать «эмпирический» как «способный подтверждаться фактами». Но в *этом* смысле *все* процитированные парадоксальные высказывания являются эмпирическими, поскольку каждое из них подтверждается *неким* фактом, пусть неадекватным. <...>

(2) <...> Если мы *действительно* обнаруживаем, что философский диспут не касается «эмпирических фактов», можем ли мы заключить отсюда, что его участники спорят о том, «какой язык следует употреблять для описания этих фактов»? Для меня очевидно, что мы не можем сделать такой вывод. <...> Из того, что они по-разному *употребляют* слова, вовсе не следует, что они имеют различные *представления* о корректности. Вероятно, как и у говорящих на различных местных диалектах, у них и мысли нет о корректности или других достоинствах своих диалектов. <...> Разумеется, возможно, и на это часто ссылаются, что лингвистическое расхождение есть симптом какого-то значимого неосознанного несогласия. Некоторые философы (Малкольм, насколько мне известно, к ним не относится) рассуждают о мотивах своих коллег, употребляющих одну идиому вместо другой. Но психиатр сказал бы обо всем этом лишь то, что философ может *говорить* одно, имея в виду — неосознанно или как-то иначе — что-то другое... И было бы некорректно представлять это так, словно философ «на самом деле» утверждает что-то другое. Из того, что люди по-разному употребляют язык, не следует еще, что они друг другу противоречат.

(3) <...> Допустим, склонные к парадоксам философы действительно пытаются сообщить что-то о «правильности» обычного языка: эпистемолог говорит, что «некорректно» (или

«неправильно») приписывать достоверность убеждениям о материальных предметах; как утверждает Рассел, «правильнее говорить, что вы видите скорее часть своего мозга, чем почтальона», и т. д. Можно ли считать это техникой опровержения?

К сожалению, не очень ясно, что же — в соответствии с исследуемой нами теорией — имеют в виду эти философы. Перед нами две совершенно различные интерпретации. Согласно первой, эпистемолог думает, что люди и вправду обычно не употребляют слово «достоверный» со ссылкой на убеждения о материальных предметах; Рассел считает, что люди привыкли говорить так, как это делает он сам в своих философских сочинениях... Это толкование тезиса Малкольма, каким бы неправдоподобным оно ни было, вызвано тем, что термин «корректный язык» подразумевает обыденный язык. <...> Отсюда философы вроде бы пытаются нам поведать, каково обычное словопользование. Если правильная интерпретация парадоксальных высказываний философов в этом и состоит, то мы *можем* опровергнуть их взгляды с помощью фактов обыденного языка — ведь очевидно, что люди *не* изъясняются столь странными способами. Но очевидно, как мне кажется, и то, что философы не пытаются *утверждать*, будто обычно люди говорят именно так. Эпистемолог не утверждает, даже неосознанно, что люди не употребляют слово «достоверный». Рассел, конечно же, жаждет сообщить нам *не* то, что нормальный человек никогда не говорит, будто он видит солнце, но то, что он *действительно* говорит это и тем самым ошибается. Больше того, я не могу поверить, что Расселу и другим философам приписывают именно *это*. Вероятнее альтернативная интерпретация их позиций... По мнению Лазеровица *, философы высказывают парадоксальные суждения скорее как «предположения», чем как «утверждения». <...> Но если остановиться на том, что они просто *предполагают*, то мы снова остаемся без метода опровержения, поскольку, как отмечает Лазеровиц, предположения «никак нельзя опровергнуть». Предположение может быть опрометчивым, но не является ни истинным, ни ложным и, следовательно, не может быть опровергнуто. <...>

Вторая лингвистическая теория Малкольма, будь она истинной, действительно, вооружила бы нас методом опровержения. <...> В обыденном языке, по убеждению Малкольма, есть слова, само *употребление* которых свидетельствует о том, что они имеют денотат. Иначе говоря, из их употребления в обыденном языке мы можем сделать вывод, что, действительно, есть что-то такое, к чему они относятся. <...> По мнению Малкольма, из того, что выражения типа «раньше», «позже», «слева», «за», «над», «материальные предметы», «возможно», «достоверно» имеют хождение, мы *можем* сделать вывод, что они действительно к чему-то относятся. Таким образом, если мы знаем, что подобные слова употребляются в обыденном языке, то можем сказать, что любой философ, утверждающий, будто нет *ника-*

ких ситуаций достоверности или *никаких* материальных предметов и т. д., ошибается. Значения этих интересных с философской точки зрения выражений, по Малкольму, должны быть показаны; они не могут быть объяснены людям «в терминах значений уже известных им слов».

«Для всех выражений, значения которых должны быть *показаны* и не могут быть объяснены (как можно объяснить значение слова «призрак»), из факта их обыденности следует, что возможны *многочисленные* ситуации, которые они описывают; иначе люди не смогли бы узнать об их корректном употреблении. Всегда, когда философский парадокс утверждает о таком выражении, что его употребление неизменно порождает ложное высказывание, доказать, что это выражение является обыденным, значит полностью опровергнуть парадокс».

Положим, эта теория истинна. Каких философов она поможет опровергнуть? Не эпистемолога, по мнению которого, мы не имеем достоверных убеждений о материальных предметах,—ведь он может отрицать их достоверность и все же оставаться неуязвимым, стоит ему только допустить достоверность, скажем, чувственных данных или элементарной арифметики. Ибо эта техника распространяется лишь на тех, кто утверждает, что нет *никаких* ситуаций, где уместны наши «философские» слова. Даже если бы нам *удалось* найти философа, который говорит: «Ничто не является достоверным» или «Слово «достоверный» в его обычном смысле не имеет значения», и то мы не смогли бы *его* опровергнуть, если бы не знали, что он употребляет эти слова корректно. Если бы эпистемолог сказал, например: «Ничто не является достоверным», то мы были бы бессильны, поскольку знаем, что *он* употребляет слово «достоверный» некорректно и *не* так, как обычно. Следовательно, эта техника действенна, когда слова употребляются *корректно*. <...> Таким образом, надо знать еще, когда доказательство лингвистической некорректности будет методом опровержения. Наиболее беспроблемна эта техника по отношению к философам, которые, корректно употребляя обыденный язык, делают о нем ложные утверждения, или, скорее, делают утверждения, которые *были* бы ложными, будь эта теория истинной.

Как же обосновать то, что любопытные с философской точки зрения слова «достоверный», «материальный предмет» и др. объяснимы только остенсивно, т. е. с помощью демонстрации их применения? Трудно представить себе, как можно таким образом объяснить, например, выражение «возможно, что». <...> Еще труднее вообразить случаи истинного употребления слов «вымышленный», «воображаемый», «ничто», «несуществующий» и «невозможный». Философ, к которому применяют этот метод, ответит, что люди обычно усваивают значение слов «достоверный», «материальный предмет» и т. д., теми же способами, что и значение слов «невозможный» и «ничто». Он скажет, например, что люди обращаются к «методу контраста»: схватывают

значение слова «невозможный», противопоставив его значению слова «возможный». <...> Существуют и другие методы сообщения значений слов, например «метод пределов» — когда понятие «совершенный круг» объясняют, демонстрируя последовательно формы, которые приближаются к окружности как к пределу... <...> Возможен даже «метод иллюзии». Допустим, мы разъясняем ребенку значение слова «храбрость» на примере человека, хладнокровно воспринимающего ситуации, которые, как мы ошибочно убеждены, он считает опасными. Если ребенок ошибается вместе с нами, то он сможет абстрагировать качество «храбрость» так, как мы того требуем; из-за этой ошибки остенсивное объяснение выполняется здесь без демонстрации правильного применения слова. <...> Изучение психологии языка, несомненно, открыло бы и другие способы объяснить значения слов. Вряд ли подобные предположения были бы неприемлемыми для парадоксально мыслящего философа.

<...> Таким образом, нам не удалось достаточно обосновать тезис «любое философское высказывание, нарушающее обыденный язык, является ложным».

Многие философские высказывания *действительно* нарушают обыденный язык и в результате вводят в заблуждение или кажутся более значительными, чем на самом деле; философы действительно могут впасть в словесную путаницу. Малкольм — и в этом один из ценных результатов его работы — показал, насколько легко все это происходит. Но в остальном, по-моему, обыденный язык не слишком значим для философии, вопреки мнению Малкольма и некоторых других.